К ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ ИЗРАИЛЯ В ЕГИПТЕ.

Современная историческая критика не признает традицию св Писания о праистории Израиля достоверным источником, и поэтому пребывание Израиля в Египте, подтвержденное лишь одним свидетельством Библии, никогда не может быть рассматриваемо как доказанный исторический факт. Единственным доказательством факта прихода и исхода Якова и его потомков в Мицраим может служить свидетельство о нем в независимых от Библии источниках — а именно египетских памятниках.

Поскольку существование таких источников отрицалось, постольку и было методологически вполне правильным скептическое отношение к египетскому эпизоду Израиля со стороны таких исследователей, как Берн. Штаде, Винклер и Эд. Мейер. Действительно, если камни Мицраима безмолвствуют о приходе избранного богом народа, то проблема о пребывании Израиля в Египте должна быть рассматриваема как неразрешимая. Но разве камни Мицраима безмолвствуют? Думается, что можно будет найти в бесчисленных надписях древнего Египта, будь это на камнях, будь это на папирусе, хотя бы намек на эти события. При внимательном и вдумчивом отношении к этим текстам мы добьемся, кажется, того результата, что события праистории Израиля найдут свое подтверждение в памятниках Нильской долины, этом архиве всемирной истории. Наша задача поэтому будет состоять в установлении всех свидетельств египетских текстов, которые могли бы быть поставлены в какую-нибудь связь с появлением Якова и потомков его в стране фараонов. Собравши этот материал и подвергнув его группировке, надо исследовать, возможно ли на основании его и на общем фоне египетской истории и истории соседних стран построение события, называемого „пребыванием Израиля в Египте“. И только тогда, когда такое построение может быть осуществимо, приход и исход избранного богом народа в Египет станут историческим фактом. Конечно, в качестве материала можно и надо пользоваться традицией Библии, но только такими элементами ее, которые заведомо, согласно

законам исторической критики, являются осадком подлинного исторического процесса в сказаниях. И эти отдельные фрагменты традиции Библии должны быть приобщаемы к общей цепи фактов, почерпнутых из египетских источников, отнюдь не нарушая внутренней связи, которая в целях построения должна быть установлена между теми.

Обратимся же теперь к египетским памятникам, свидетельствующим о праистории еврейского народа.

Правда, первые сведения о появлении евреев на арене всемирной истории мы получаем из текстов хотя и найденных в Египте, но написанных не иероглифом, а клинописью на глиняных таблетках. Это знаменитый Телль-Амарнский архив, найденный в 80 годах прошлого столетия в столице царя еретика Аменхотепа IV и содержащий переписку этого царя и отца его Аменхотепа III с властителями передней Азии и со своими вассалами, князьками Сирии и Палестины. Последние в своих письмах просили жалостно царя спасти их от грозного врага, в виде многолюдного народа, или вернее группы родственных племен, которые угрожали владениям фараона, начиная с далекого севера и кончая крайним югом. Название этих племен ḥa-bi-ru. С появлением тель-амарнской переписки в связи с этим именем возник вопрос об отношении ḥabiru к евреям Библии. Само собой понятно, что такой важный вопрос вызывал первоначально ожесточенные споры, но теперь его можно считать решенным. Большинство ученых не колеблется признать идентичность ḥabiru тель-амарнской переписки и евреев св. Писания, которые точно также, как и ḥabiru, обнимают целую группу племен, а не одних только израильтян. Эти ḥabiru-евреи угрожали владениям фараона на широком фронте как на севере, так и на юге. На юге они выступают врагами верного слуги царя Египта, Иерусалимского князя Абдихипы. Они захватывают здесь в свои руки Сихем и докатываются до крайнего юга, вплоть до Сеира, гор. Эдома. Это вторжение было катастрофичным для населения данной области; о нем свидетельствует нам изображение и надпись в гробнице одного из сподвижников Аменхотепа IV. Здесь изображены азиаты, пришедшие просить царя принять их в Египет и защитить их. Надпись к этому изображению весьма любопытна своими аналогиями с библейскими рассказами и рисует нам ярко то ужасное положение, в котором оказался юг Палестины вследствие вторжения еврейских племен: „Бежали азиаты, другие расселились на их местах, они разгромлены, разрушены их города, кинут огонь в их дома. Они

пришли просить царя великого силой послать свой могучий меч. Их страны голодают они живут, подобно сернам гор, их дети гибнут. Некоторые из азиатов, которые не знали, как им прожить, пришли, прося убежища во владениях фараона, согласно обычаю предков своих"... Некоторые исследователи сопоставляли этих азиатов, пришедших в Египет, с Израилем, но это вряд ли будет приемлемо, ибо не хабиру-евреи пришли просить защиты и приюта, а наоборот жертвы вторжения хабиру. Эти племена были загнаны в горы и должны были жить там, как звери пустыни. Они наверное тождественны тем хоритам, которые еще в позднее время жили в горных ущельях Сеира, и племенное имя которых было потом истолковано, как жители пещер. Хабиру же, принесшие столько бедствий этой области, принадлежали, очевидно, к племени эдомитян, которые вместе с хоритами, по свидетельству Библии, обитали Сеир. Но и после этого вторжения эдомитян юг Палестины не нашел покоя. 50—60 лет после этого события Сети I, отцу Рамсеса II, приходилось умиротворять эту же область, начиная с Сару, т. е. с египетской границы вплоть до Ханаана, т. е. до области Аскалона. В своей надписи над изображением триумфального возвращения в Египет он дает обзор причин, вызвавших его поход в Азию. „Пришли сказать его величеству: побежденные шасу замышляют восстание. Их племенные вожди собрались, поднимаясь против азиатов страны Хару. Они решили творить злодеяния и смуты, каждый из них побивает своего соседа, и они презирают законы дворца". Из этих слов Сети I видно, что роль шасу в стране Хару вполне аналогична роли хабиру телль-амарнской переписки, и нельзя не согласиться с Эд. Мейером о тождественности этих шасу и хабиру. Сети I, разгромив шасу-хабиру, привел большое число их в Египет в качестве пленных, о чем свидетельствует надпись над вторым рядом пленных, взятых им: „Пленные, которых его величество забрал у шасу, разбитых самим его величеством в первом году". Эти пленные шасу-евреи были им, конечно, рассеяны по владениям царя и по владениям храмов, дабы нести там службу крепостных. О судьбе этих еврейских пленников мы узнаем, кажется, из египетских текстов последующего времени. По крайней мере Fr. Chabas, один из первых, проложивших путь к пониманию иератического письма, прочел в нескольких папирусах царствования Рамсесов II, III и IV упоминание о народе ăрг и сопоставил его уже в 1862 году с Библией. И надо сказать, что те два лейденских папируса времени Рамсеса II,

на которые, главным образом, ссылается Chabas, требуют подобного отождествления. В одном из них писец Каусер доносит следующее своему начальнику Бекенптаху: „Чтобы обрадовать сердце моего господина, я послушался приказа, который дал мне мой господин: „дай продовольствие солдатам и людям-ăpr, которые тащут камни для великой твердыни храма города Рамсеса". Другим текстом является также письмо некоего Кенуамона своему начальнику Гуи: „Я выполнил приказ, который господин мой дал: „дай продовольствие солдатам и людям ăpr, которые тащут камни для Ра, а именно для Ра Рамсеса Мери Амон в южном квартале Мемфиса". Мы видим, что свидетельство этих папирусов согласуется с тем, что нам повествует св. Писание о муках и работах евреев в Мицраиме, над сооружением города Рамсеса.

Но, как это ни странно, остроумная догадка Chabas вызвала ряд ожесточенных нападок и как раз со стороны египтологов, например, знаменитого Бругша. Нападки опираются на два аргумента, 1) на филологический и 2) хронологический. Первый сводится к тому, что нельзя установить фактического тождества между египетскими ăpr и библейскими евреями. Правда всеми признается, что первый и последний звук ă и r транскрибированы совсем правильно египетским писцом, но зато большинство указывали на то, что средний звук, семитическое b (beth), передано не египетским b, а p. Но мне думается, что это затруднение отпадает. Можно на основании материала, теперь собранного, указать на много примеров транскрипции семитического b египетским p. Поэтому я считаю отождествление ăpr египетских папирусов и евреев Библии филологически вполне возможным.

Остается рассмотреть хронологическую возможность отождествления. Противники отождествления указывают на то, что ăpr в египетских текстах в качестве крепостных упоминаются и после времени Рамсеса II, в царствование и Рамсеса III и Рамсеса IV. Израиль же, по господствующему ныне взгляду, уже при одном из предшественников Рамсеса III, а именно Мернептахе, сыне Рамсеса II, сидел в центральной Палестине, в горах Ефраима, где и в последующее время находилось ядро израильтян. Поэтому исход должен был относиться еще к более раннему времени, а пребывание еврейских крепостных еще в эпоху Рамсесов III и IV, столь долго после исхода, очень мало вероятно. С этим выводом нельзя было бы не согласиться, если бы предпосылки его были вполне безукоризненны. Но это условие кажется не соблюдено. Мнение о столь ранней

дате исхода основано не на вполне необходимом толковании одного важнейшего памятника, к детальному анализу которого мы теперь и перейдем и при изучении которого мы вплотную подступим к нашей проблеме „Израиль в Египте“. Дело в том, что мы до сих пор имели дело с источниками, повествующими нам о „евреях“, а „евреи“ и в Библии являются настолько широким этническим понятием, что мы не можем всюду, где встречаются евреи, предполагать и упоминание Израиля. В каждом отдельном случае надо это решать особо. Тот памятник, к которому мы теперь обратимся, говорит не о евреях, а об Израиле, и таким образом проблема евреев начинает превращаться для нас в проблему об Израиле.

Если мы о евреях впервые узнали из клинописных таблеток, хотя и найденных в Египте, то первое известие об Израиле нам дает египетский иероглифический памятник, не столь давно подаренный науке. Это первое упоминание Израиля было найдено на стеле, найденной английским археологом Петри в 1896 году в Фивах, среди развалин заупокойного храма Мернептаха. В этом же году она была издана Шпигельбергом с великолепным переводом. Весь научный и вообще образованный мир заволновался. За время, протекшее с момента находки стелы Израиля, успела вырасти громадная литература о ней. Эта стела имела свой дубликат, фрагменты которого уже давно были известны науке. Содержанием стелы служит победа, одержанная Мернептахом в пятом году своего царствования над ливийцами, наводнившими север Египта. Об этой же победе он повествует и в других своих памятниках и в большой карнакской надписи и на стеле из Атриба. Но в этих источниках врагами царя являются не одни лишь ливийцы, но и народы севера: Акаваша (ахейцы), Сакара (карийцы), Туруша (этруски) и Шардана (сардинцы), часть которых лет 50 спустя ринулась на Египет при Рамсесе III. На стеле же Израиля единственным врагом царя являются ливийцы, что и вызывает некоторое недоумение. Единственный выход из этого затруднения дается предположением, что оба эти события, нашествие ливийцев и вторжение народов севера, не были столь тесно связаны между собой, как это можно было бы предположить на основании карнакской надписи. Вероятно связь между этими нашествиями была лишь случайна, не было коалиции в нашем смысле слова. Очевидно Мернептах, разбив ливийцев, тотчас же обрушился и на морские народы, которые, воспользовавшись ливийской войной, вторглись глубоко в Египет, и возможно, что они были разбиты недалеко от

места поражения ливийцев. Таким образом Мернептах мог рассматривать обе победы и как одно событие (карнакская надпись) и как самостоятельное событие (стела Израиля). Но если в последней он не упоминает о народах севера, зато он перечисляет другие народы, не упомянутые в других надписях. Действительно, стела Израиля, описав победу над ливийцами, переходит к заключению, не связанному с предыдущим и перечисляющему соседние Египту страны, среди них и Израиль (26—28 строки стелы). Вот перевод их: „Никто из девяти варварских племен не поднимает своей головы. Опустошена Ливийская страна, Хета замирена, страна Ханаан пленена всяким злом. Оно захватило страну Аскалон. Оно завладело страной Гезером, страна Иеноам превращена им в несуществующее, народ Израиль уничтожен, его посевов нет, страна Хару сделалась вдовою для Египта“. Из этого перевода становится ясной вся важность этого текста, и поэтому тем более досадна непонятность контекста данных строк надписи. Ведь возникает вопрос, как же понимать эту приписку к гимну победы Мернептаха над ливийцами? Вытекает ли из нее необходимость признания похода Мернептаха в Сирию, совершенного им или до разгрома ливийцев, или после него. А вопрос этот, как мы увидим потом, весьма важен для решения нашей основной проблемы. До сих пор вопрос о походе Мернептаха в Палестину решался положительно всеми исследователями. Лишь Навилль попытался подойти самостоятельно и оригинально к этой проблеме и пришел к выводу, что стела Израиля нас отнюдь не уполномочивает к допущению похода Мернептаха в Палестину. Основанием для его взгляда послужило, главным образом, указанная странность разбираемого текста, посвященного прославлению победы над ливийцами и в конце своем повествующего о разгроме народов Сирии и Палестины без связи с предыдущим и главное вне связи с деятельностью самого царя, что, конечно, противоречит обычному характеру египетских исторических надписей. Ведь египетские надписи никогда не забывают о великих деяниях своих царей. Каждая победа, каждый подвиг ставились в связь с личностью, с деятельностью самого царя. С этим наблюдением Навилля согласуется и тот факт, что еще в 3-м своем году Мернептах находился в Египте, правда, зорко присматриваясь к тому, что происходит в Азии. Это обстоятельство мы узнаем из дневника чиновника пограничной крепости Сару от 3-го года царя. Он отмечает в своих записках гонцов, проходящих через Сару в двух на-

правлениях, в различные города Азии и в Египет в ставку царя. Из этих записок мы узнаем и о вызове в Сару офицеров одной из палестинских крепостей и, наконец, о пребывании в Сару князя города Тира. Что же заставило последнего покинуть свой город? Не указывает ли это на какие-то события, которые потрясают Палестину и Сирию? Очевидно те лица, которые заведывали обороной азиатских владений Египта, были чем-то озабочены, и мы сейчас узнаем, какова была та опасность, которая тогда нависла над Палестиной. Во всяком случае это не были войска Мернептаха. Этому противоречат и некоторые фразы стелы Израиля, как-то: „Ханаан пленен всяким злом, оно захватило Аскалон, оно овладело Гезером“. Из таких слов ясно вытекает, что не египетские войска разгромили Палестину и Сирию, не могли же они быть названы в оффициальном египетском тексте „всяким злом“. Враг должен был быть другой. И этим врагом, очевидно, были те народы севера, которые хлынули с Эгейских островов и Малой Азии под давлением нового передвижения греческих племен в XIII столетии. Из большой карнакской надписи мы узнаем, что вместе с ливийцами эти народы опрокинулись и на Египет, но были разбиты царем, причем я уже указывал на неясность хронологического соотношения этих двух событий, вторжения ливийцев и нашествия северян, хотя и была, очевидно, тесная их временная связь. Если ливийское нашествие пало на 5-й год, то к тому же году надо приурочить и приход народов севера. С передвижением этих народов стоит, очевидно, в связи и дневник пограничного чиновника от 3-го года. Князь Тира находился в Египте, ибо Тир уже пал, а Хета, лежащая еще севернее, тем паче. При дворе боялись дальнейшего передвижения варваров, и вот вызываются офицеры одной из крепостей освидетельствовать положение там. Высылаются послы от различных городов Палестины. Они проходят через Сару, которая живет лихорадочной жизнью под чувством надвигающейся грозы. Вскоре она разразилась и над Палестиной, незатронутой еще в 3-м году, коснулась и Египта, спасенного лишь решительной победой Мернептаха. Он же, разбив варваров севера, мог рассматривать себя и победителем тех стран, которые не выдержали натиска северян, и поэтому он присоединил к своему гимну победы над ливийцами и список разгромленных Эгейскими народами стран Азии, но сам он и войско его не являлось виновниками бедствий Сирии и Палестины.

Уяснив себе это, мы можем перейти к дальнейшему вопросу, а именно, где находился Израиль в момент вторжения народов

*

севера. Очевидно он находился вне Египта, и это упоминание Израиля вне Египта в эпоху Мернептаха оказалось роковым для господствующего раньше решения вопроса об исходе. До открытия стелы обычное решение проблемы исхода сводилось к отождествлению Мернептаха с царем исхода, а отца его Рамсеса II с фараоном притеснения, что отчасти находило свое подтверждение и в традиции Ветхого Завета. Теперь же по свидетельству этого вновь найденного памятника, оказалось, что Израиль при Мернептахе не находился в Египте, а сидел где-то в Азии, и таким образом приходилось отказаться от традиционного взгляда отождествления Мернептаха с фараоном исхода и искать нового решения проблемы. Для такого были открыты два пути: или отодвинуть исход к более отдаленному прошлому, или датировать как приход, так и исход Израиля в Египет временем после эпохи 5-го года Мернептаха, года составления его победной стелы. На первый путь вступил Эд. Мейер, и он привел его к отрицательному выводу о пребывании Израиля в Египте. Эд. Мейер указывает на то, что мы имеем непрерывающуюся цепь сведений о праистории, начиная с XIV века вплоть до Мернептаха, а отсюда ясен вывод, что Израиль никогда не был в Египте. На второй путь решения проблемы, а именно датировки прихода Израиля временем после 5-го года Мернептаха Эд. Мейер стать не мог. По его толкованию стелы Израиля местопребыванием народа Яхве были уже тогда горы Эфраима. И действительно, если Эд. Мейер был прав, то приход Израиля в Египет из далекого Эфраима был бы исторической невозможностью, и таким образом опровержение Мейером ветхозаветной традиции о пребывании Израиля в Мицраиме осталось бы в силе. Но думается, что этот вывод не обязателен. Победная стела Мернептаха, пожалуй, обязывает к несколько иному толкованию. По мнению Эд. Мейера принципом группировки азиатских областей в конце стелы Израиля— Хета, Ханаан, Аскалон, Гезер, Иеноам, Израиль и Хару—являлось направление с юга на север. Перечисление: Ханаан, который по его словам обозначал у египтян самый крайний юг Палестины, затем Аскалон в южной Палестине, Гезер в центральной, а Иеноам в южном Ливане, казалось, подтверждало его взгляд. Исходя из этого наблюдения, Эд. Мейер и пытается определить родину Израиля во времена Мернептаха. Текст стелы ему, правда, не дает прямого указания на этот вопрос, но, полагая, что в своих поисках нельзя итти еще дальше к северу, чем Иеноам, т. е. южный Ливан, он приходит к выводу, что перечисление от областей береговой по-

лосы, каковыми являются для него Ханаан, Аскалон, Гезер, Иеноам, обращается в глубь материка. Таким образом Эд. Мейер и приходит к догадке, что „Израиль уже тогда пребывал, где мы и впоследствии находим ядро народа, а именно в горах Эфраима“. Но Эд. Мейер сам должен согласиться, что установленный им принцип перечисления с юга на север таким образом меняется, уступая в конце концов место перечислению с запада на восток, т. е. с берега в глубь материка. Если это не говорит за правильность его взгляда, то с другой стороны и отождествление им Аскалона, Гезера и Иеноама с береговой полосой вызывает сильное сомнение. Аскалон, правда, лежал у берега моря, но Гезер и Иеноам отдалены от моря на довольно далекое расстояние. Кроме того, эти три названия — не имена городов, а целых областей, названных по имени главного города, на что и указывает детерминатив страны за этими именами. Области же эти могли обнимать и пространства к востоку от местоположения городов Аскалона, Гезера и Иеноама и таким образом отпадает возможность рассматривать эти области в качестве прибрежной полосы. Поэтому правы прочие исследователи, рассматривая Аскалон, Гезер и Иеноам представителями южной, средней и северной Палестины. Они тем более правы, что уже в эпоху тель-амарнской переписки выработалась подобная терминология. А если это так и области Аскалон, Гезер и Иеноам обнимали не одну лишь береговую полосу, а всю Палестину, то в таком случае горы Эфраима не могли быть еще местопребыванием Израиля, ибо тогда получилась бы в стеле Мернептаха черезполосица. Поэтому, мне думается, надо отказаться от установленного Эд. Мейером принципа группировки географических имен стелы Израиля, который и привел маститого ученого к невозможному определению местопребывания народа Яхве. Принцип был, действительно, иной и основная ошибка Эд. Мейера заключалась в неправильном определении географического положения Ханаана по египетским памятникам. По его мнению, как мы выше видели, Ханаан являлся для египтян крайним югом Палестины, очевидно, береговая полоса, начиная с Аскалона вплоть до границы Египта. Но подобное определение местоположения Ханаана противоречит традициям всех прочих народов, которые также пользовались названием Ханаана. И клинописные таблетки Тель-Амарны и Ветхий Завет и немногие финикийско-греческие источники понимали под Ханааном обычно Сирию и Палестину. Подобное однородное понимание Ханаана у всех соседей Египта уже a priori сильно умаляет

степень вероятности определения Эд. Мейера, тем более, что ему противоречат свидетельства и тех египетских текстов, которые нам сохранили имя Ханаана, например, пап. Харрис. Здесь царь Рамсес III повествует о построении им храма Амону в Азии: „Я построил для тебя сокровенный дом в стране Цахи, подобно горизонту неба и имя его: Дворец Рамсеса, правителя Илиополя и Ханаана". Из этих слов Рамсеса III вполне определенно вытекает, что Ханаан мог соответствовать Цахи, а Цахи и по Эд. Мейеру соответствует Палестине и Сирии, и поэтому и Ханаан ни в коем случае не обнимал только крайний юг. Наоборот, как раз крайний юг, граничащий с Египтом, не входил уже в состав Ханаана, согласно надписи Сети I, который разбил шасу от Сару на египетской границы вплоть до Ханаана. Таким образом Ханаан и в сознании египтян обнимал не крайний юг, а Финикию и Палестину, и поэтому Аскалон, Гезер и Иеноам не являются самостоятельными областями на-ряду с ним, а лишь его подразделениями. Из этого же следует, что направление перечисления областей стелы Израиля с юга на север теряет свою необходимость, и становится возможным предположение обратного порядка, с севера на юг. Этот порядок следования, казалось a priori, уже требовался тем обстоятельством, что список азиатских стран разбираемой стелы возглавлялся страной хетов, государством заведомо лежащим на крайнем севере Сирии. Поэтому перечисление Мернептахом страны хетов на первом месте в списке областей Азии постулирует порядок следования с севера на юг. За хетским государством следует Ханаан, т. е. Финикия и Палестина, также вполне подтверждая направление, принятое мною для перечисления. Затем названы три главные области Ханаана: Аскалон, Гезер и Иеноам. Они, правда, перечислены в обратном порядке, т. е. с юга на север, но отклонение от общего порядка перечисления местностей в пределах какой-нибудь отдельной области встречается сплошь и рядом в египетских исторических надписях, а тем более оно могло иметь место в нашем поэтическом тексте. Перечислив три главнейшие области Ханаана, надпись Мернептаха упоминает Израиль и согласно вышесказанному этот последний должен был находиться к югу от Ханаана, между ним и Египтом. И это вполне подтверждается и прямым свидетельством и самой разбираемой надписью.

Дело в том, что, вопреки мнению большинства исследователей, стела Израиля содержит в себе прямое указание на прародину народа Яхве. Оно кроется в этих двух строфах конца гимна:

„Народ Израиля уничтожен, его посевов нет, страна Хару сделалась вдовою для Египта". Уже одно то обстоятельство, что в первой строфе назван народ, а во второй страна, указывает на то, что обе строфы стоят в параллелизме друг к другу, причем первая нам повествует о судьбе народа, а вторая о судьбе страны, которой он владеет. Что это действительно так, подтверждает и содержание второй строфы: „страна Хару стала вдовою для Египта". Ведь мужем страны является народ, который ее возделывает, и страна, оставшись без пахаря-народа, уподобляется женщине без мужа. Это сравнение поля с женой и жены с полем было одинаково близко как египтянину, так и семиту. Вспомним поучение Птахотена: „если ты разумен, женись. Люби свою жену, давай ей пищу и одеяние. Радуй сердце ее, ибо она хорошая пашня владыке своему", или же письмо Рибадды, князя Библоса фараону: „Мое поле подобно женщине без мужа, вследствие отсутствия возделывателя". Если поэтому страна Хару названа вдовою, т. е. женой без мужа, то причина тому та, что народ-муж ее перестал существовать, и это действительно было так. „Народ Израиля уничтожен, посевов его нет", повествует нам стела Мернептаха. В виду этого я полагаю, что страна Хару была местопребыванием Израиля в ту эпоху. Страна же Хару, согласно свидетельству египетских памятников обнимает азиатские владения Египта, начиная с границы, а иной раз, как в надписи Сети I, только крайний юг, начиная с Египта, до Ханаана. Поэтому я и считаю себя в праве искать прародину народа бога здесь на юге, в области между Ханааном и Египтом. Подобное определение местопребывания Израиля вполне совпадает со свидетельством Сети I о распространении евреев-шасу в первый год его царствования. Он их разбил, как мы видели выше, от Сару до Ханаана, т. е. там же, где сидел и Израиль в эпоху внука Сети I, царя Мернептаха. Сюда же в горы Негеба и степи к югу от них приводят нас рассказы о патриархах книги Бытия. Здесь они ведут согласно библейским традициям жизнь полукочевников, живут в палатках, занимаются скотоводством, но имеют также свой хлеб, обрабатывая в оазисах лучшую почву. Но есть традиция в Библии, которая еще более точно определяет прародину Израиля, и которая нашла свое наиболее характерное выражение в следующих стихах знаменитой песни Деборы, наиболее древней части св. Писания, восходящей к XI веку: „Прислушайтесь, цари! Внимайте, князья! Я хочу петь, хочу играть Яхве, богу Израиля. Яхве, когда ты сходил с Сеира, выступал

с полей Эдома, дрожала земля, никли небеса, текли тучи водой; горы колебались перед Яхве, этот Синай перед Яхве, богом Израиля". И если древнейший текст Библии связывает Яхве с Сеиром и Эдомом, то, очевидно, местом происхождения культа Яхве был именно Эдом и Сеирские горы. Там же, где было место пребывание бога, там же, очевидно, и была первоначальная родина народа его, и таким образом древнейшее свидетельство Библии отождествляет прародину Израиля с Эдомом, т. е. с крайним югом Палестины, куда указывает и стела Мернептаха и надпись Сети I.

Таким образом я могу считать доказанным первоначальное местопребывание Израиля на крайнем юге Палестины об этом свидетельствует, как мы видели, на-ряду с древнейшею традицией Библии и стела Израиля от 5 года Мернептаха. Для Израиля. пребывающего здесь в области Эдома, а не на севере в горах Эфраима, и был вполне возможен приход после 5 года Мернептаха на соседние пастбища близкого Мицраима. Но появление Израиля в пределах Египта не только возможно, но и вероятно, ибо теперь в 5 году Мернептаха согласно его надписи явилась необходимость оставления для народа Яхве своих насиженных мест: „Израиль уничтожен, его посевов нет". Очевидно Израиль подвергся полному разгрому, а страна его опустошению. И виновниками опустошения были, как мы выше видели, не египетские войска, а народы, хлынувшие с севера, которые вторглись впоследствии и в пределы Египта из-за стремления найти здесь пропитание: „Они пришли к стране Египта, чтобы искать нужное для ртов своих" говорит Мернептах в большой карнакской надписи о мотивах своих врагов. Возможно, что и разгром самой Палестины народами севера был вызван отчасти желанием найти там пропитание. В то время в Сирии вообще были неурожаи. Рамсес II помогал зерном хетам, то же самое делал и Мернептах. Израиль, разгромленный этими голодными ордами и посев которого был уничтожен, стоял перед альтернативой: или умереть с голоду, или же выселиться, т. е. положение его удивительно совпадает с положением Якова и его семьи, предшествующим их решению отправиться в Египет. И Израилю, как и братьям Иосифа, оставалась одна страна для переселения, именно Египет. Действительно, куда же ему было обратиться за помощью, если не туда. Север был разгромлен, восток— пустыня; оставался один Египет, страна, которая выдержала натиск северных варваров, как востока, так и запада, и продолжала быть житницей всего мира. Правда, приход Израиля в Египет становится

возможным лишь потому, что не египтяне разгромили в 5 году его поля, а народы севера, ибо в обратном случае границы Мицраима были бы для него закрыты. Египтяне вряд ли приняли бы в пределы своего государства народ, ими же побежденный и приведенный на край гибели и таким образом еще более враждебный им. Поэтому исследователи, считавшие Мернептаха виновником катастрофы Израиля, конечно, не могли допустить возможность прихода евреев в страну, разгромившую их. Лишь открытие Навилля о непричастности Мернептаха к событиям в Азии делает возможным и вероятным, в связи с установленной мною географической близостью, приход Израиля в Египет после 5 года названного царя. Но если степень вероятности прихода народа Яхве именно теперь на основании предыдущего исследования не маленькая, то все же для того, чтобы сделать свидетельство Библии о пребывании Израиля историческим фактом, требуется большее. Нам надо для этой цели доказать, что мы имеем в египетских текстах ближайшего времени действительное указание на приход Израиля или же еврейского племени из Сеира или Эдома в пределы Нильской долины. И мы, действительно, имеем прямое указание на приход Израиля в Египет в одном из папирусов этой эпохи. Это папирус, называемый Анастази VI, содержащий донесение египетского чиновника своему начальнику, относящееся к 8 году царя Мернептаха: „Нечто другое,—читаем мы.—Радость сердца для моего господина. Мы закончили с даванием пропуска племенам шасу из страны Эдома мимо крепости Мернептаха, которая есть Суккот, к прудам Пифома Мернептаха, которые есть Суккот, чтобы сохранить жизнь их и стад их на великом пастбище фараона“. Уже при беглом чтении папируса бросается в глаза аналогия его с библейским рассказом о приходе в Мицраим семьи Якова. Мотивировка пропуска, чтобы сохранить жизнь самих шасу и их стад, совпадает с показаниями Библии. Она же согласуется и с той картиной положения Израиля, которую мы должны были представить себе на основании стелы Мернептаха. Местность, куда были пропущены эти шасу—Пифом-Суккот упоминается и в Библии, в качестве города, стоящего в связи с пребыванием Израиля в Египте. Согласно свидетельству стелы Мернептаха о разгроме Израиля надо полагать, что число израильтян, оставивших свою родину, было значительное; вероятно большая часть населения оставила опустошенную родину, чтобы найти в Египте спасение от голода. Это не противоречит показаниям нашего папируса. Событие пропуска бедуинов из Эдома было, пови-

димому, не из маленьких, и число шасу, допущенных в область Пифома, было довольно значительным. На это, кажется, указывает глагол „мы закончили“. Очевидно была целая переписка по этому поводу; вероятно начальник был извещен своими подчиненными и о начале пропуска шасу. Все это призывает к отождествлению шасу из страны Эдома папируса 8 года Мернептаха с Израилем стелы от 5 года того же царя, тем более, что и Израиль согласно песни Деборы сидел когда-то также в горах Сеира и стране Эдома. Если это так и 8 год Мернептаха был годом прихода Израиля в Египет, то и упоминание евреев текстами после Рамсесов II и IV не является хронологической невозможностью, но, наоборот, служит лишним подтверждением правильности всего нами построенного.

Таким образом, приход Израиля в Египет может теперь рассматриваться достоверным историческим фактом. Мы имеем прямое свидетельство египетского памятника о приходе еврейского племени, очевидно тождественного с Израилем, в область Пифома-Суккот, в место будущих страданий и мук его. Такой неожиданный результат нашего исследования нас не должен поражать. Уже a priori можно было предполагать, что попытка отыскать свидетельства прихода Израиля в Египет увенчается успехом. Приход даже маленького кочевого племени был большим событием для Нильской долины. Историки, считавшие подобное событие маловажным, исходили из современных условий и их чисел. Для страны древнего Востока племя и в несколько сот человек представляло крупную силу, с которой надо было считаться и приход которого, если он вообще мог быть допущен, должен был быть тщательно отмечаем. Вспомним, что Бенихассанский номарх счел нужным упомянуть о приходе только 37 азиатов в свой ном. Уяснив себе это, нам станет понятным нахождение нами папируса с отметкой прихода еврейского племени, которое мы с большой вероятностью можем отождествить с Израилем.—Но если Израиль в царствование Мернептаха действительно пришел на пастбище Пифома, то перед нами встает вопрос, какое же отношение было между ним и теми ăpr-евреями, которые уже в эпоху XIX династии работали в городах Рамсесе и Мемфисе над построением храмов Рамсеса II. Надо полагать, что эти шасу Сети I и ăpr-евреи Рамсеса II были прямыми предками Израиля. Они являлись той волной еврейских племен, которые вторглись не с севера, а с юга в Палестину, еще не дифференцировавшись от прочих племен, по крайней мере в сознании инородцев, продолжавших их называть общим именем евреи-хабиру-

шасу. В эпоху Мернептаха чужеземцы уже познакомились с именами этих племен, сидевших на крайнем юге, „Израиль", и называли их иной раз так, а иной раз и прежним общим именем шасу или ӑрг. Евреи, попавшие в Египет до прихода туда Израиля почти в полном своем объеме в царствование Мернептаха, вероятно слились окончательно с новыми пришельцами, и традиции их и традиции Израиля переплелись в одно цельное предание. Но это уже нас приводит к вопросу о дальнейших судьбах Израиля в Египте.

Мы убедились в предыдущем в достоверности одной части библейского предания, а именно рассказывающей нам о приходе Израиля в Египет, и поэтому мы можем уже a priori более доверчиво относиться и к другим частям его. Действительно, некоторые события, заполнившие египетскую историю после смерти Мернептаха, удивительно напоминают нам эпизоды библейского предания об Иосифе. После смерти Мернептаха наступают в скором времени смуты, столь характерные для переходных эпох Египта. Эта эпоха перехода от XIX в XX династию нам оставила очень мало памятников, и поэтому нам пришлось бы лишь гадать о том, что свершилось тогда в многострадальной египетской земле, если бы не счастливый случай, подаривший нам тот великолепный памятник, который является наибольшей гордостью нашей науки, а именно великий папирус Харрис. На последних страницах этого величайшего по объему папируса царь Рамсес IV, который составил этот текст ко дню своей коронации, повествует устами отца своего Рамсеса III о следующих любопытных событиях, совершившихся до вступления его, Рамсеса III, на престол: „Слушайте,—обращается царь к людям,—чтобы я мог рассказать вам о тех благодеяниях, которые я свершил, пока я был царем народа. Страна Египта была оставлена, каждый бежал справедливости. Они не имели главы в течение многих лет до наступления других времен. Страна Египта была в руках вельмож и правителей городов. Каждый убивал своего соседа. Пришли после этого другие времена, с пустыми (т. е. голодными) годами, и один хару, который был с ними, сделал себя начальником. Он сделал всю страну подвластной и собрал своих товарищей и грабил имущество египтян. Они сделали богов равными людям и не приносили жертвы в храмах". Затем повествуется о вступлении на престол Сетналета, отца Рамсеса III. Я думаю, у каждого, прочитавшего эти строки папируса Харрис, невольно всплывут в памяти отрывки из библейских преданий. Он вспомнит и годы голода, и рассказ об Иосифе, занявшем первенствующее

положение в Египте и скупавшем за бесценок в годы голода имущество народа. И действительно, коль скоро израильтяне сохранили традицию о своем пребывании в Египте, они могли и должны были сохранить глухое воспоминание о том высоком положении, которое занял один из людей их народа при дворе фараона. То, что израильтянин назван хару, нас не удивит, если мы вспомним о связи Израиля со страной Хару по стеле Мернептаха. Если же этот хару и Израиль находились в какой-нибудь связи друг с другом, то отсюда, конечно, с необходимостью вытекало и изменившееся отношение к ним египетского правительства. Если оно до того относилось к ним более или менее благожелательно, то теперь подобное отношение должно было резко измениться, и должны были начаться те притеснения, о которых нам повествует св. Писание. И из папируса Харриса мы узнаем, что Рамсес III подарил известное количество еврейских крепостных илиопольскому храму, и надо полагать, что именно в царствование Рамсеса III Израиль пережил свою пору страданий в Мицраиме. Любопытно отметить, что и в Библии фараоном страданий Израиля является Рамсес. Правда, библейская традиция отождествляла его с Рамсесом II, но подобное смешение царей с одинаковым именем бывает сплошь и рядом. В данном случае это тем более возможно, что в традиции Библии могли сказаться и воспоминания евреев, попавших в египетскую неволю еще при Сети I и действительно пережившие эпоху Рамсеса II.

Нам остается рассмотреть последнюю пору пребывания Израиля в Египте, вопрос об исходе. Можем ли мы и для него найти более или менее точную дату? Мы знаем, что конец XX династии совпал с окончательным рушением великодержавности Египта, и поэтому можно было бы предположить, что именно в эту эпоху смут Израиль мог удобнее и безопаснее оставить пределы Египта. Но подобное предположение было бы мало вероятным. Конец XX династии знаменуется такой разрухой в стране, что Израилю было выгоднее остаться здесь и снова сделать попытку, которая им была сделана после Мернептаха и привела к господству над Египтом некоего Хорита. Поэтому надо полагать, что Израиль бежал раньше этого, когда государство Египта лишь временно ослабело, но имелось основание ожидать, что оно окрепнет и снова наложит свою тяжелую руку на народ Яхве. Конечно, при сильном правительстве Рамсеса III подобное бегство было невозможно. Египет тогда, как и при Рамсесе II, был защищен договорами

с другими государствами о выдаче беглецов. Параграф подобного содержания дошел до нас в мирном договоре Рамсеса II с хеттами: „Если бежит вельможа страны Египта и придет к великому князю хетов, то великий князь хетов не должен его принять, но должен способствовать тому, чтобы его привели обратно к Рамсесу II, великому правителю Египта, их владыке. Или же если бежит один человек, или двое, которые не знатны, и они придут в страну хетов, чтобы сделаться чужими подданными, то они не должны быть поселены в стране хетов, но должны быть приведены обратно к Рамсесу Мери-Амону, великому правителю Египта". Интересно отметить, что договор рассматривает лишь бегство отдельных личностей; очевидно бегство целых племен было невозможно при нормальном состоянии египетского государства. Из рассказа Синухета мы знаем, с какими трудностями приходилось бороться и отдельному человеку при своем тайном переходе египетской границы. Поэтому исход Израиля не мог свершиться в расцвет царствования Рамсеса III, когда Египет снова переживал период возрождения своей мощи. Но время расцвета было непродолжительно, и уже конец царствования Рамсеса III был заполнен смутами. Во время этих смут царь был убит, и вступил на престол сын его Рамсес IV. В период перехода царствования Рамсеса III к царствованию Рамсеса IV, думается, и произошел исход. В эпоху гражданских войн граница была может быть обнажена: крепостные израильтяне могли сравнительно безопасно оставить пределы Египта и должны были этим воспользоваться под впечатлением тех страданий, которые им пришлось перенести при только что погибшем царе и из-за боязни возвращения таких же страданий в случае нового оздоровления Египта. С традицией св. Писания великолепно бы согласовалась и трагическая кончина фараона притеснителя, если и не в волнах моря, то от руки убийцы, которая могла быть направлена местью Яхве. Но кроме этих соображений, мы, может быть, имеем даже прямое указание на исход в этот период. До нас дошел один чрезвычайно любопытный документ — остракон Туринского музея, написанный в 4 году царствования Рамсеса IV писцом Фиванского некрополя Аменнантом, списавшим его, очевидно, с какой-нибудь оригинальной стелы. Содержанием его служит описание того благополучия, которое разлилось по Египту с момента восшествия на престол Рамсеса IV: „О счастливый день, небо и земля ликуют, ибо ты (стал) великим владыкой страны Кеми. Те, которые бежали, они возвращаются

в свои деревни, те, которые скрывались, выходят, те, которые были голодными, насыщаются, те, которые страдали от жажды, пьяны, те, которые были нагими, они одеты в тонкое полотно, те, которые были в лохмотьях, они в белых одеяниях, те, которые были в темнице, они выпущены на свободу, те, которые были грустными, они в радости, те, которые смутами терзали страну, они сделались спокойными... потому, что ты мой царь Хик-Ма-Ра-Рамсес настоящий взял диадемы своего царства". В лице этого остракона судьба подарила нам, очевидно, уникум, не сохранившийся не только от какой-либо иной эпохи Египта, но и вообще истории Востока. Перед нами ни что иное, как восхваление эдикта милостей, который сопровождал восшествие на престол Рамсеса IV. До известной степени он носит типические черты. Вероятно всякое коронационное торжество сопровождалось народным пиршеством в связи с выдачей еды, питья и одежды. Выход из тюрьмы указывает и на амнистию преступников. Но с другой стороны отразились, кажется, на нем и те серьезные потрясения, которые перенес тогда Египет до вступления на престол Рамсеса IV. На них указывают и последние строки: „те, которые смутами терзали страну, они сделались покойными", и начальные строки нашего текста: „те, которые бежали, они возвращаются в свои деревни". Эти беглецы были явлением не редким в истории Египта, но в эпоху расцвета они представляли лишь единичные случаи. В эпоху же упадка и смут они становятся массовым явлением. Очевидно и туринский папирус повествует нам о большом числе этих беглецов, коль скоро он говорит о них прежде всего. Это обстоятельство да название Рамсеса IV „истинным Рамсесом" в связи с общим характером предшествующих событий и указывают нам на то, что в разбираемом нами тексте нашли отклик своей смуты конца царствования Рамсеса III. Если в этих смутах играло, как я уже сказал, большую роль массовое бегство крепостных, то невольно приходит в голову мысль, что среди этих беглых крепостных были и израильтяне, которые бежали из своих деревень около Пифома, ибо выражение „беглецы возвращаются" еще не доказывает, что все беглецы возвратились; часть их могла и не возвратиться. В таком случае Рамсес III был бы действительно фараоном и притеснения и исхода евреев, что великолепно согласовалось бы с показаниями св. Писания. Но такому предположению, казалось, противоречит то обстоятельство, что еще при Рамсесе IV в 3 году его царствования были посланы в Хамамат-

ские каменоломни 800 евреев из Ани около Суккота, где в эпоху Мернептаха были поселены израильтяне. Но и это обстоятельство не противоречит библейскому преданию об исходе. Мы знаем о ропоте народа в пустыне, о желании некоторых слабых духом возвратиться к сытной жизни Египта. Библейское предание умалчивает по понятным причинам о том, что часть евреев не выдержала и вернулась к хлебу и неволе Мицраима. Зато об них свидетельствует туринский остракон, и из их числа и были посланы 800 человек в каменоломни Хамамата. Вернувшись в Египет, евреи, вероятно, скоро растворились в общей массе населения, братья же их, оставшиеся в пустыне, продолжали свой путь к обетованной земле.

Мы пришли к концу нашего исследования. Египетские тексты, оказалось, подтверждают важнейшие вехи библейской традиции о пребывании Израиля в Мицраиме. Дата прихода Израиля, 8 год Мернептаха совпадает с 1255 годом до Р. Х., а исход, год смерти Рамсеса III соответствует 1203 году до Р. Х. Правда, столь поздняя датировка и прихода и исхода противоречит отчасти хронологии св. Писания. Дело в том, что по господствующей хронологической версии Ветхого Завета протекло с момента исхода из Египта до построения храма при Соломоне, около 960 года, 480 лет; следовательно, исход падает примерно на 1440 год до Р. Х., т. е. почти на 250 раньше, чем установленная нами дата для этого события. Но это нас не должно смущать. Теперь установлено, что эта хронологическая схема Ветхого Завета для событий праистории народа чрезвычайно искусственна. Эти 480 лет, т. е. 12 поколений по 40 лет, были созданы для уравнения периода, предшествующего построению храма, с периодом следующим за ним, вплоть до разрушения храма. И подобное скептическое отношение к столь ранней датировке Библией исхода, т. е. 480 лет до построения храма, будет тем более уместным, что сама же Библия сохранила традицию, датирующую этот исход датой, вполне совпадающей с установленной нами. В книге Бытия перечисляется 8 царей Эдома, которые владычествовали над страною Исава до установления царства в Израиле. Последний из них Адад II был лишен своего царства Давидом около 980 года, а первый из них был Валаам сын Веора, современник Моисея, знаменитый своими пророчествами о великой судьбе Израиля, пришедшего в Ханаан. Он же царствовал, если мы определим каждое царствование этих 8 царей в 25 лет, около 1200 г., т. е. как раз в то же время,

когда и по нашим исчислениям Израиль оставляет Мицраим, чтобы пустыней востока итти в обетованную землю. Таким образом наша дата исхода подкрепляется и одной из версий библейской хронологии, а это, мне кажется, сильно повышает степень ее вероятности. Это же тем более требуется, что столь поздняя датировка чревата последствиями для всего понимания истории Израиля, а в первую очередь для оценки личности Моисея и причин мощи религии Израиля. Ведь если наше определение времени исхода, 1200 год до Р. Х., соответствует истине, то тогда личность Моисея не будет отделена пропастью многих столетий от момента письменного зафиксирования устного предания. В этот момент память о нем могла быть еще вполне яркой и определенной, столь же определенной, как и память об эдомитянине Валааме, личность которого еще по сие время живет в традиции арабских кочевых племен. За историчность личности Моисея уже всегда говорило имя его, которое не может быть объяснено из корней еврейского языка, а является египетским именем. „Мес", сын. И если рассказ о рождени его и носит черты легенды, родственной легендам о рождении Саргона Аккадского, Кира и др., то это лишь доказывает, что личностью Моисея, спасителя народа из неволи Мицраима, рано овладела легенда. Но на-ряду с этими элементами легенды устная традиция могла сохранить в течение тех 200 лет, отделяющих по нашему определению жизнь Моисея от царства Саула и Давида, и подлинные черты исторической личности, создателя религии Яхве, а в таком случае Моисей из полумифического образа превращается в реального исторического деятеля. Это же кидает совсем новый свет на понимание религии Яхве. Ведь коль скоро Моисей реальный исторический деятель, то в его лице перед нами один из первых религиозных гениев, и таким образом загадка мощи религии Израиля становится загадкой великой личности, подобно загадке мощи и той мировой религии, которая выросла из недр того же народа.

В. Струве.